

Вальдшнепы. Ги де Мопассан

Вы спрашиваете, дорогая, почему я не возвращаюсь в Париж; вы удивляетесь и почти сердитесь. Довод, который я вам приведу, возмутит вас, конечно: разве может охотник вернуться в Париж в дни перелета вальдшнепов?

Разумеется, я понимаю и даже люблю городскую жизнь, которую проводишь в четырех стенах или на улице, но я предпочитаю жизнь свободную – суровую, жизнь охотника осенью.

Мне кажется, что в Париже я никогда не бываю на воздухе: парижские улицы, в сущности, те же большие общественные залы, только без потолка. Разве можно считать, что дышишь воздухом, когда с двух сторон тянутся стены, когда ноги ступают по деревянной или каменной мостовой, а взгляд повсюду ограничен зданиями и лишен зеленого простора равнин или лесов? Тысячи прохожих задевают, толкают вас, кланяются вам, разговаривают с вами; а если идет дождь и на зонтик льется вода, этого еще далеко не достаточно, чтобы создать впечатление и ощущение природы.

Здесь же я очень ясно и радостно воспринимаю разницу между жизнью в доме и жизнью на воздухе... Но не об этом я хочу с вами говорить...

Итак, вальдшнепы летят.

Надо вам сказать, что я живу в большом нормандском доме, в долине, на берегу речки, и хожу на охоту почти каждый день.

Бывают дни, когда я читаю, и притом читаю такую книгу, которой парижанам некогда заинтересоваться: это серьезная, глубокая, интересная книга, написанная гениальным ученым-иностранцем, который потратил всю жизнь на исследование одного вопроса и наблюдение одних и тех же явлений, свидетельствующих о воздействии работы наших органов на развитие нашего ума.

Но я все-таки хочу говорить с вами о вальдшнепах. Итак, двое моих друзей, братья д'Оржемоль, и я, мы останемся здесь на весь охотничий сезон вплоть до первых холодов. Потом, как только начнутся заморозки, мы переселимся на их ферму Каннето, около Фекана, потому что там есть восхитительная рощица, божественная рощица, где при перелете останавливаются все вальдшнепы.

Вы знаете д'Оржемолей: это два великана, два первобытных нормандца, два самца старого могучего племени завоевателей, которое когда-то заполонило Францию, захватило и удержало за собой Англию, расселилось по всем берегам Старого света, всюду понастроило городов, пронеслось ураганом над Сицилией, создав там замечательное искусство, победило всех королей, разгромило самые гордые города, перехитрило поповские козни пап, оказавшись Лукавеем итальянских первосвященников, и зачало детей в постелях всех стран. Д'Оржемоли – нормандцы высшей марки. В них все нормандское: голос, акцент, склад ума, белокурые волосы и глаза цвета моря.

Когда мы вместе, мы говорим на местном наречии, живем, думаем и поступаем по-нормандски, становимся нормандскими землевладельцами и в большей степени крестьянами, чем сами наши фермеры.

Итак, мы целых две недели ждали вальдшнепов.

Каждое утро старший из братьев, Симон, говорил мне:

– Ну вот, потянуло ветром с востока, скоро начнет подмораживать. Через два дня они прилетят.

А младший, Гаспар, более положительный, нежели брат, прежде чем говорить о заморозках, ждал, чтобы они наступили.

И вот в прошлый четверг он вошел ко мне в комнату на самой заре и закричал:

– Готово! Вся земля побелела. Еще два таких денечка, и мы отправимся в Каннето.

И действительно, через два дня мы отправились в Каннето. Вы, конечно, расхохотались бы, увидев нас. Мы передвигаемся в странном охотничьем экипаже, воздвигнутом когда-то по заказу моего отца. "Воздвигнуть", – по-моему, единственное слово, подходящее в этом странствующему монументу, вернее – к этому катящемуся землетрясению. Чего только нет там внутри: ящики для провизии, ящики для оружия, ящики для чемоданов, ящики с решетками – для собак. Все может там укрыться, за исключением людей, которые должны торчать на скамейках с перильцами, высоких, как четырехэтажный дом, и установленных на четырех гигантских колесах. Влезают туда, как придется, с помощью ног, рук, а при случае даже зубов, так как нет никакой подножки, чтобы облегчить доступ на это сооружение.

Итак, оба д'Оржемоля и я, облачившись в лапландские одеяния, взбираемся на эту гору. Одеты мы в бараньи тулупы, огромные шерстяные чулки, натянутые поверх панталон, и гетры, поверх шерстяных чулок; на нас черные меховые шапки и белые меховые перчатки. После того как мы устроились, мой слуга, Жан, бросает нам трех пинчеров – Пифа, Пафа и Мусташа. Пиф принадлежит Симону. Паф – Гаспару, а Мусташ – мне. Они напоминают маленьких крокодилов, покрытых шерстью. Они длинные, низкорослые, нескладные, лапы у них вывернутые, и сами они до того мохнатые, что напоминают заросли желтого кустарника. Черные глаза их едва видны под нависшими бровями, а белые клыки скрыты бородою. Их никогда не запирают в конурки, сделанные внутри повозки. Мы оставляем их у себя в ногах, чтобы нам было теплее.

Итак, мы поехали, трясло нас отчаянно. Стоял мороз, крепкий мороз. Мы были довольны. К пяти часам прибыли на место. Фермер, дядюшка Пико, ожидал нас на пороге. Это тоже замечательный тип: невысокого роста, но плотный, коренастый, сильный, как дог, хитрый, как лисица, он всегда улыбается, всегда доволен и умеет все что угодно превращать в деньги.

Пора вальдшнепов и для него бывает большим праздником.

Ферма – старое, обширное строение; она стоит посреди двора, обсаженного яблонями и окруженного четырьмя рядами буков, которые

весь год сражаются с морским ветром.

Мы входим в кухню; там в честь нашего приезда пылает славный огонь.

Стол для нас накрыт около высокого очага, где над ярким пламенем жарится на вертеле жирный цыпленок, истекающий соком в подставленное для него глиняное блюдо.

Нас приветствует фермерша, высокая молчаливая женщина, очень учтивая, целиком поглощенная домашними заботами; голова ее забита делами и цифрами – ценами на хлеб, на птицу, на баранов, на быков. Это женщина, любящая порядок, аккуратная, строгая и пользующаяся уважением в округе.

На другом конце кухни стоит большой стол, за который скоро усядутся все батраки фермы, возчики, пахари, конюхи, поденщицы, пастухи; все эти люди будут есть молча под бдительным оком хозяйки и глядеть, как мы обедаем вместе с дядюшкой Пико, который будет сыпать шутками, чтобы рассмешить нас. Затем, когда все работники насытятся, г-жа Пико быстро и скромно поест одна на уголке стола, присматривая за служанкой.

В обычные дни она обедает со всеми вместе.

Спим мы все трое, д'Оржемоли и я, в совершенно пустой комнате, стены которой выбелены известью; там только три кровати, три стула и три умывальных таза.

Гаспар всегда просыпается первым и звонко играет на рожке утреннюю зорю. Через полчаса все готовы, и мы трогаемся в путь вместе с дядюшкой Пико, который тоже охотится с нами.

Дядюшка Пико предпочитает меня своим хозяевам. Почему? Наверно, потому, что я ему не хозяин. И вот мы вдвоем с ним вступаем в роцц с правой стороны, в то время как оба брата атакуют ее слева. Собаками ведает Симон, он держит их всех трех на одной сворке.

Ведь охотимся мы не на вальдшнепов, а на кроликов. Мы убеждены, что вальдшнепов надо не искать, а находить. На вальдшнепа натываются и убивают его, вот и все. Если же вы задались целью напасть на его след, он никогда вам не встретится. Как радостно и занятно слышать в свежем утреннем воздухе короткий звук ружейного выстрела, а затем громовой рев Гаспара, заполняющий все пространство!

– Вальдшнеп! Готов!

Но я хитер. Когда я убиваю вальдшнепа, я кричу: “Кролик!” – и неистово торжествую, когда мы в полдень, во время завтрака вынимаем из сумок добычу.

Итак, мы вошли, дядюшка Пико и я, в роццу, где листья, мертвые листья падают с нежным и непрерывным шелестом, сухим и немного печальным шелестом. Стоит мороз, легкий мороз; он щиплет глаза, нос, уши; он запорошил белым инеем верхушки трав и черную пашню. Но под толстым бараньим тулупом по всему телу разлито тепло. Солнце весело сияет в голубом воздухе, оно не греет, но оно веселое. Хорошо охотиться в роцце свежим зимним утром.

Вот пронзительно залаяла собака. Это Пиф. Я знаю его тонкий голос. Потом все стихает. Но вот другой лай: это наступила очередь Пафа. Что же делает Мусташ? А, вот и он визжит, как курица, которую душат! Они подняли кролика. Внимание, дядюшка Пико!

Они удаляются, приближаются, расходятся в разные стороны, потом возвращаются снова: мы следуем по непредвиденным зигзагам их пути и бежим узкими тропинками, насторожившись, держа палец на курке.

Они возвращаются в сторону луга, и мы возвращаемся за ними. Вдруг тропинку, словно тень, пресекает серое пятно. Я прицеливаюсь и стреляю. Легкий дымок рассеивается в голубом воздухе, и я замечаю на траве шевелящийся комок белой шерсти. Тогда я кричу изо всех сил: “Кролик, кролик! Готов!” И показывают его собакам, трем мохнатым крокодилам, которые поздравляют меня, виляя хвостами, и затем отправляются искать другого.

Дядюшка Пико догнал меня. Снова затыкал Мусташ. Фермер произнес:

– Это, может быть, и заяц, пойдёмте на опушку.

Выходя из роцци, я заметил, что шагах в десяти от меня стоит пастух дядюшки Пико, немой Гарган, завернувшись в огромный бурый плащ, в шерстяном колпаке, и, не отрываясь, вяжет чулок, по обычаю наших пастухов. Я сказал ему, как принято:

– Бог в помощь, пастух!

Он поднял руку для приветия, хотя и не слышал моего голоса, – он уловил движение, губ.

Я знал этого пастуха целых пятнадцать лет. Пятнадцать лет подряд каждую осень, я видел, как он стоит на опушке или посреди поля, стоит неподвижно, и только, руки, его всегда заняты вязаньем. Стадо, следовало за ним, как свора охотничьих собак, послушное одному его взгляду.

Дядюшка Пико сжал мне руку:

– А вы знаете, что пастух убил свою жену?

Я остолбенел:

– Гарган? Глухонемой?

– Да, прошлой зимою. Его судили в Руане. Я вам расскажу об этом.

И он увлек меня в кусты, потому что пастух умел различать слова на губах своего хозяина, словно слышал их. Он понимал только, его и при нем был глухим. Хозяин, со своей стороны, тоже, как колдун, угадывал смысл жестыкуляции немого, все движения его пальцев, игру складок на его щеках и мерцание, его глаз.

Вот эта простая история их мрачной хроники происшествий, какие разыгрываются иногда и среди полей.

Гарган был сыном мергельщика – одного из тех людей, что работают в каменоломнях, добывая мергель, мягкий, белый рассыпающийся камень, которым удобряют землю. Он родился глухонемым и с детства был приставлен пасти коров у придорожных канав.

Затем его взял к себе отец дядюшки Пико, и он стал пастухом на ферме. Это был великолепный пастух, преданный, честный да вдобавок, и костоправ, хотя его никогда ничему не учили.

Когда хозяином фермы стал, в свой черед, дядюшка Пико, Гаргану минуло тридцать лет, а на вид ему можно было дать все сорок. Он был высокий и худой, с бородой библейского патриарха.

И вот около этого времени местная крестьянка по имени Мартель, очень бедная, умерла, оставив пятнадцатилетнюю девочку, которую прозвали Капелькой за ее неумеренную любовь к водке.

Пико приютил эту нищенку, поручал ей мелкие работы и платил ей за труд только харчами. Она спала в риге, в хлеву или в конюшне, на соломе или навозе, вообще, где придется, потому что такой голи не отводят постели. Она спала, стало быть, где придется и с кем придется – то с возчиком, то с конюхом. Но случилось так, что вскоре она сошлась с глухим, и сошлась надолго. Что соединило этих убогих? Как они поняли друг друга? Знал ли он женщину до этой амбарной потаскухи, если никогда не перемолвился ни с кем словом? Сама ли она, эта Ева с навозной кучи, явилась в его передвижную хижину или соблазнила его где-нибудь на краю дороги? Неизвестно. Просто в один прекрасный день узнали, что они живут вместе как муж и жена.

Никто этому не удивился. Пико даже нашел эту связь вполне естественной.

Но вот об этом союзе, не освященном церковью, узнал кюре и страшно рассердился. Он начал упрекать г-жу Пико, взывал к ее совести, угрожал ей небесными карами. Что было делать? Вопрос разрешился очень просто: их поженили в церкви и в мэрии. У них обоих не было ничего: у него ни одной целой пары штанов; у нее – ни одной юбочки без заплат. Стало быть, ничто не мешало удовлетворить требования закона и религий. В течение часа их соединили у мэра и священника и порешили; что все устроилось как нельзя лучше.

Но вскоре во всей округе не стало другой забавы, как наставлять рога бедному Гаргану (простите мне это скверное выражение). Пока он не был женат, никто не думал спать с Капелькой, а теперь каждый ждал, когда наступит его очередь – хотя бы смеха ради. За спиною мужа у нее побывали решительно все, – стоило лишь поднести ей стаканчик водки. Молва об этом прогремела по всей округе так, что даже господа из Годервиля приезжали полюбопытствовать.

За пол-литра Капелька давала им представление с кем угодно, где-нибудь в канаве или под забором, а всего в сотне шагов от места действия виднелся неподвижный силуэт Гаргана, взявшего чулок около своего блеющего стада. Во всех местных кафе хохотали до упаду: по вечерам, греясь около огня, только об этом и говорили, а когда люди встречались на дорогах, они задавали друг другу вопрос:

– А ты поднес Капельке капельку?..

Все знали, что это значит.

Пастух, казалось, ничего не замечал. Но вот однажды Пуаро, парень из Сасвиля, знаком подозвал жену Гаргана из-за стога сена, показывая ей полную бутылку. Она поняла и со смехом прибежала к нему, но едва только они начали свое преступное дело, как пастух обрушился на них, словно с облаков. Пуаро убежал вприпрыжку, волоча за собой штаны, а немой, рыча, как зверь, схватил жену за горло.

Люди, работавшие в поле, сбежались. Но уже было поздно: у нее почернел язык, глаза выкатились из орбит, и кровь текла через нос. Она была мертва.

Пастух предстал перед руанским судом. Так как он был немой, Пико вызвали в качестве переводчика. Подробности дела очень забавляли публику. Но у фермера была только одна мысль: добиться оправдания своего пастуха, и он ловко вел к этому.

Сперва он рассказал всю историю глухого и обстоятельства, при которых тот женился, затем, дойдя до преступления, сам начал допрос убийцы.

Все судебное присутствие сидело молча.

Пико медленно спрашивал:

– Ты знал, что она тебя обманывает?

И в то же самое время повторял вопрос глазами.

Гарган отрицательно покачал головою.

– Ты лежал на стогу, когда увидел все?

И он сделал жест человека, который видит нечто отвратительное.

Гарган кивнул утвердительно.

Тогда фермер, подражая жестам мэра, который сочетает гражданским браком, и священника, который соединяет во имя бога, спросил у своего батрака, потому ли он убил жену, что она была связана с ним перед людьми и перед небом.

Пастух утвердительно кивнул головой.

Пико сказал ему:

– Так покажи нам, как это случилось.

Тогда глухой изобразил целую пантомиму. Он показал, как он спал на стоге, как проснулся, почувствовав, что солома шевелится, как потихоньку посмотрел и увидел все происходившее.

Он поднялся и, стоя между двумя жандармами, неожиданно изобразил мимикой все непристойные движения преступной четы, обнимавшейся на его глазах.

Громовой хохот, поднявшийся в зале, вдруг резко оборвался, потому что пастух, поводя безумными глазами, двигая челюстью и длинной бородою, словно кусая что-то, вытянул руки вперед, пригнул голову и начал повторять страшные движения убийцы, который душит живое существо.

Он дико рычал в таком припадке ярости, точно все еще сжимал руками ее горло, так что жандармы были вынуждены схватить его и силой посадить на место, чтобы он успокоился.

Всех охватила дрожь ужаса. Тогда дядюшка Пико, положив руку на плечо своего слуги, сказал просто:

– У этого человека есть честь.

Пастух был оправдан.

Что касается меня, дорогая, я с большим волнением слушал конец этой истории, которую поведал вам, сохранив все грубые слова, чтобы не менять ни в чем рассказа фермера, как вдруг посреди леса раздался ружейный выстрел, и могучий голос Гаспара прогремел в воздухе, как пушечный залп:

– Вальдшнеп! Готов!

Вот как я провожу время, выслеживая мелькающих мимо вальдшнепов, между тем как вы тоже отправляетесь в Булонский лес смотреть на мелькающие мимо вас новые зимние туалеты.